

О. А. Леонтович

*Волгоградский государственный
социально-педагогический университет, Волгоград —
Тяньцзиньский университет иностранных языков, Тяньцзинь*

«ВСЕВИДЯЩЕЕ ОКО» ГОРОДА ЧЕРЕЗ ПРИЗМУ СОЦИОЛИНГВИСТИКИ¹

1. Введение

Настоящая работа написана в контексте современной стремительно развивающейся области исследований, которая в англоязычной науке называется термином *urban studies*. Она объединяет представителей различных дисциплин: архитекторов, социологов, политологов, специалистов по теории коммуникации и т. д. В ней выделяется мощное социолингвистическое направление, позволяющее выявить роль различных семиотических знаков в формировании облика большого города как экзистенциального пространства.

В российской науке отсутствует устоявшийся термин для обозначения этой области знаний применительно к лингвистике и теории коммуникации. А. Г. Квят, написавшая ряд интересных работ в этом русле [Квят 2013; 2014а; 2014б; 2014с и др.], использует термины «городская коммуникативистика» и «городская коммуникация», что представляется нам не слишком удачным из-за ассоциации с «городскими коммуникациями» (то есть водопроводом, канализацией и т. д.). Мы предлагаем использовать термин «медиаурбанистика», поскольку в нем отражены: 1) принадлежность исследуемой сферы общения городу; 2) использование в ней различных форм и средств коммуникации (*media*).

Цель статьи — рассмотреть наблюдение за жителями городов как распространенную коммуникативную практику и систему семиотических знаков, сопровождающих индивидуума как объект наблюдения.

¹ Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 17–29–09114.

2. Парадигма и методы исследования

В рамках медиаурбанистики город трактуется как: 1) самостоятельная коммуникативная система, совмещающая в себе разнообразные каналы, формы и средства человеческого общения и оказывающая комплексное воздействие на формирование и развитие социума; 2) дискурсивное образование («текст» в широком смысле этого слова); 3) маркер личностной и коллективной идентичности; 4) контекст коммуникации; 5) совокупность символических, материальных и технологических средств связи; 6) источник социального и культурного развития.

Коммуникация фактически представляет собой модус человеческого существования. Медиаурбанистический дискурс отражает динамику развития современного города и государства в целом, что обуславливает своевременность, актуальность и социальную значимость проводимых в этом русле исследований.

В развитии медиаурбанистики прослеживаются два ведущих направления, основанных на разном понимании самого предмета исследования: а) рассмотрение различных «медиа» (кино, телевидения и других СМИ); б) исследование взаимоотношений между людьми, форм их интеракции, социальных и культурных последствий развития коммуникации. Наше исследование делает акцент на втором направлении.

Сосредоточенность на социальных проблемах обуславливает использование критического дискурс-анализа в качестве ключевого метода исследования, восходящего к идеям М. Фуко [Foucault 1977], который изучал репрезентационные свойства дискурса как инструмента власти. В центре внимания оказывается пересечение языка / дискурса / речи / социальной структуры. С точки зрения Н. Фэрклафа, дискурс представляет собой промежуточный уровень между *текстом как таковым* и *социальным контекстом*, который осуществляет связь между внутренними отношениями в тексте и его внешними отношениями [Fairclough 2003: 37]. Он утверждает, что дискурсы не только воссоздают мир в том виде, в котором он существует или видится нам, — они также проективны и изображают возможные миры, отличные от реального — такие, которые говорящие хотели бы создать [Там же: 124]. При этом дискурс обретает способность конструировать социальный мир коммуникантов. Стронники критического дискурс-анализа, в частности, [Blommaert

2005: 25] полагают, что недостаточно описать социальные функции языка — они должны стать объектом моральной и политической оценки, средством влияния на социум: наделять властью тех, кто ею не обладает, правом голоса тех, кто его лишен, обнаруживать злоупотребления властью, помогать в борьбе с социальной несправедливостью, то есть способствовать активному вмешательству в социальные практики [Леонтович 2011: 105–106].

Второй используемый нами метод — этнографический — представляет собой набор методологических и интерпретативных процедур, предполагающих погружение исследователя в социальную жизнь, которую он изучает [Там же: 46]. В контексте данного исследования он используется для концептуализации разного рода коммуникативных практик (технологических, дискурсивных, интеракционных) и включает комбинированные процедуры рефлексии относительно происходящих в городском контексте социальных процессов.

Важную роль в исследовании также играет семиотический метод, позволяющий рассмотреть медиаурбанистический дискурс с позиций социальной семиотики: контекстуализации знаков в соответствующих социальных системах. Он дает возможность выявить субъект и объект семиозиса (кем создан знак? чье мировосприятие он представляет и чье исключает? кому он адресован? как различается восприятие знака разными индивидуумами и социальными группами?), исследовать означающее и означаемое знака, выявить факторы его контекстуализации (в какой мере время и место определяют интерпретацию знака? как изменение контекста может повлиять на его трактовку?).

Материал исследования включает вербальные и невербальные знаки, отобранные методом сплошной выборки в процессе наблюдения за медиаурбанистическим дискурсом. Именно они выступают в качестве иллюстративного материала в данной статье.

3. Понятие «социальной видимости»

В условиях современного мира городская анонимность, способность затеряться в толпе исчезает или обретает новые формы. Понятие «социальной видимости» (*social visibility*) в последнее время заняло заметное место в работах западных исследователей; при этом оно имеет разные воплощения.

Согласно одному из распространенных подходов, невидимыми считаются доминантные социальные группы, рассматриваемые как норма (например, в США — белые мужчины-гетеросексуалы среднего возраста, принадлежащие к среднему классу). Соответственно, к видимым относятся группы, являющиеся своего рода отклонением от нормы: представители «небелых» рас, женщины, дети, старики, люди нетрадиционной ориентации, бедняки, бездомные и т. д. Как правило, они становятся объектом дискриминации по признаку расы, гендера, возраста, имущественной принадлежности. С лингвистической точки зрения их видимость маркируется вербальным обозначением определенных аспектов их идентичности: *black student* (темнокожий студент), *female driver* (женщина-водитель), *лицо кавказской национальности*, *несовершеннолетний*, в то время как группы, воспринимаемые как «норма», не получают такого обозначения.

Согласно другому подходу, дискриминируемые группы, напротив, рассматриваются как невидимые в силу того, что они не обладают властью и не могут существенно влиять на социальную ситуацию [Anderson, Boyd-Franklin 2000; Brooks, Gelderen, 2008; Scotland-Stewart 2007].

Видимыми могут также считаться лица, коммуникативное поведение которых не вписывается в существующие правила; те, кто неуместен в определенном временном и локальном контексте (пожилой человек на молодежной тусовке; бомж в элитном ресторане; хорошо одетый человек в неблагополучном районе; белый, заметный в толпе китайцев или индийцев и т. д.).

Маркетологи широко используют понятие «видимость» по отношению к агрессивной самопрезентации. Для продвижения продукта сотрудники компаний, желающие обратить на себя внимание, одеваются в броские костюмы — пчёлка (Билайн), животных, Санта-Клаусов и т. д.

4. Тотальное наблюдение как признак медиаурбанистического дискурса

Сегодня, в эпоху развития новейших технологий, проблемы видимости обретают новый смысл, соотносимый с понятием *surveillance* (контроль, наблюдение, надзор) — неотъемлемой частью городской жизни. Мы используем термин «наблюдение» как

ключевой для данного исследования в связи с тем, что он наиболее часто встречается в городских знаках (в большинстве случаев — по отношению к видеонаблюдению). При этом мы отдаем себе отчет, что описываемое понятие предполагает контроль, надзор, слежку как свои составляющие. Оно используется для обозначения бинарных взаимоотношений между субъектами и объектами контроля и применимо к широкому кругу коммуникативных практик: наблюдению людей за людьми (*face to face supervision*), использованию видеокамер и устройств для прослушивания, систем контроля доступа в учреждения, медицинских приборов, биометрической идентификации, электронных приложений, распознавания лиц и голосов, отслеживания коммерческих операций в интернете. Оно не ограничивается рассмотрением лишь участников этого процесса, а также учитывает широкий социальный контекст [Green, Zurawski 2015: 29; Mehrabov 2015: 118].

Изучение наблюдения и контроля (*surveillance studies*) представлено трудами ученых, рассматривающих его в исторической перспективе [Genosko, Thompson 2006; 2009], с политической точки зрения как инструмент власти [Fijnaut, Marx 1995; Goold 2004], как нарушение права на невмешательство в частную жизнь [Rule, Greenleaf 2008; Lyon, Bennett 2008; Bennett 2008] и т. д. Эта тема привлекает специалистов, занимающихся информатикой, юриспруденцией, психологией, криминалистикой, медициной, социологией, философией, антропологией, политологией, теорией коммуникации и лингвистикой. Исследования показывают, что в современном мире «человеческий опыт более визуален и видим для окружающих, чем когда-либо прежде» [Mirzoeff 1999: 1].

Наблюдение на основе идентичности (*identity-based surveillance*) представляет собой социальный феномен, признак нашего времени; оно ведется с учетом расы, этноса, возраста, гендера, профессии, социального положения. Человек является объектом наблюдения и контроля с момента зачатия, когда с помощью УЗИ устанавливают факт беременности; в младенчестве, когда он находится под неусыпным контролем родителей, бабушек, дедушек, няни, в том числе с использованием видеокамер; на протяжении всей жизни, когда осуществляется медицинский мониторинг его тела, обеспечивается его безопасность, контролируется его социальное поведение, выявляются факты супружеской неверности, отслеживаются события его жизни через социальные сети; до самой старости, когда

устанавливаются факты отклонений от физиологических и/или поведенческих норм и необходимость постоянного ухода. Наблюдение ведется на улицах и площадях, в местах проживания людей (дворах, подъездах, лифтах), на рабочих местах, в магазинах, кафе, ресторанах и на развлекательных площадках. Отслеживаются перемещения людей (локальная, национальная и глобальная мобильность) — в общественном транспорте, на вокзалах, в аэропортах, на дорогах. Современные гаджеты способны определить и зафиксировать наше местоположение, даже когда мы передвигаемся пешком.

Хотя в процессе наблюдения индивидум демонстрирует свою индивидуальность, наблюдение также служит для демонстрации коллективных идентичностей [Jones 2005: 592]. Исследование закономерностей и результатов наблюдения позволяет анализировать стратификацию населения, социальное окружение, характеристики районов проживания и т. д.

Наблюдение и контроль меняют характер взаимоотношений людей и порождают этические проблемы. Нарушается максима качества коммуникации: недоверие превалирует над искренностью. Д. Лион отмечает парадоксальность ситуации: желание защитить право на личное пространство порождает вторжение в личное пространство других людей [Lyon 2002: 2].

Возникают своего рода «кибергорода»; стремление достичь безопасности заключает людей в изолированные от окружающего мира пространства, откуда они активно общаются с окружающим миром с помощью многочисленных средств связи, встроенных в их офисы и жилища [Mehrabov 2015: 121].

Наблюдение как коммуникативная практика сопровождается использованием многочисленных семиотических знаков, которые стали неотъемлемой частью современного городского ландшафта.

5. Семиотика наблюдения и контроля в контексте медиаурбанистического дискурса

Семиотические знаки не только указывают на использование видеочамер и иных средств наблюдения — они выступают как средство конструирования соответствующих коммуникативных ситуаций, в составе которых выделяются субъект, объект, место, время, цели наблюдения и контроля, а также последствия поступков, воспринимаемых как запретные или нежелательные. Сценарная

составляющая наблюдения включает ряд коммуникативных действий, позволяющих уподобить его игре: законное или незаконное проникновение в чужое пространство или систему, «обнаружение», попытка ускользнуть от наблюдения, сбить со следа, маскировка, блокирование доступа к коммуникации и т. д.

Вербальные, невербальные и смешанные знаки, связанные с наблюдением, присутствуют в городском ландшафте повсеместно. Прежде всего, это знаки, указывающие на сам факт наблюдения. Наиболее распространенные из них — картинки с изображением видеокамеры CCTV либо сообщение: *Внимание! Ведется видеонаблюдение*. Если в некоторых государствах (например, Великобритании), закон требует, чтобы в непосредственной близости от камеры был установлен знак, указывающий на её присутствие, то, согласно законодательству РФ, установление таких табличек необязательно. Поэтому надписи: *Объект оборудован скрытыми видеокамерами. Вас снимает скрытая видеокамера!* не могут считаться нарушением гражданских прав. Знаки такого рода устанавливаются не для соблюдения закона, а для достижения целей самого наблюдения — информирования, предупреждения, устрашения.

Субъект и объект наблюдения. Процессы наблюдения сопряжены с использованием определенных семиотических знаков, указывающих на разные взаимоотношения между адресантом и адресатом сообщения. Наблюдение всегда предполагает, что есть субъект и объект — тот, кто наблюдает и за кем наблюдают. Это соотношение власти: субъектом являются представители государства или учреждения, облеченные властью, объектом — рядовые граждане.

Анализ российских семиотических знаков показывает, что субъект наблюдения, как правило, неидентифицируем. Русский язык, в силу своих грамматических особенностей, обладает большими возможностями для сокрытия субъекта наблюдения — в надписях используются неопределенно-личные конструкции, возвратные формы глагола, страдательный залог и т. д.: *ведется видеонаблюдение; установлены скрытые видеокамеры; вас снимает скрытая камера; объект под охраной, объект оборудован скрытыми видеокамерами*.

На конференции “City Talk: Urban Identities, Mobilities and Textualities” (Берн, Швейцария, 11–12 декабря 2017 г.) участники

обратили внимание на то, что на всех знаках, продемонстрированных Р. Н. Джонсом в его блестящем докладе “The City is Watching you”, видекамеры смотрят сверху вниз (выражение властной позиции). В этом же докладе автор указал на то, что символика семиотических знаков часто включает изображение глаза: за гражданами следит всевидящее око государства («Большой брат»). Он рассказал про эксперименты, когда в офисе, где сотрудники должны были самостоятельно класть в копилку деньги за чай, вешали разные картинки. Собираемость денег резко увеличивалась, когда на картинке были изображены глаза, причем строгий мужской взгляд оказывался более действенным, чем кокетливый женский. В российских знаках также распространены изображения глаза и надписи: *Я слежу за тобой. Большой брат следит за тобой.*

Для взаимоотношений между субъектом и объектом наблюдения и контроля характерна коммуникативная асимметрия: субъект невидим, а объекты видимы — они оказываются в поле зрения видекамеры, иного технического средства или живого человека, например, охранника. Даже если адресация знака выборочна (например, надпись в примерочной магазина: *Воры будут наказаны*), гражданин, знающий, что он не вор, испытывает некоторое чувство дискомфорта (означает ли знак, что его подозревают в воровстве?). Кроме того, обратим внимание на использование в приведенных выше знаках не слишком вежливого обращения на «ты». Проявлением асимметрии также является то, что рядом с надписью: *Внимание! Ведется видеонаблюдение* нередко расположен знак: *Фото и видеосъемка запрещены*, то есть одна сторона имеет право наблюдать за другой, но не наоборот.

Интересны также сообщения: *В целях улучшения обслуживания все разговоры записываются. Видеонаблюдение ведется в целях вашей безопасности*, в которых проявляется патерналистское отношение власти к гражданам, утверждение о том, что власть следит за гражданами, как за детьми, ради их собственной пользы.

Знаки также становятся действенным средством деления коммуникантов на «своих» и «чужих», если их действие избирательно:

Посторонним вход воспрещен!

Вход без спецодежды запрещен.

Проход запрещен. Частная территория.

Вход запрещен! Staff only.

При этом, несмотря на наличие знака, наблюдаемый никогда не может быть уверен в том, что за ним на самом деле наблюдают – работает ли находящаяся в поле зрения камера или это муляж, установлены ли в помещении скрытые камеры или они вообще отсутствуют.

Место и время наблюдения. В ряде случаев знак конкретизирует пространство, где ведется наблюдение:

В помещении / в магазине / на территории / в лифте / в подъезде / в храме ведется видеонаблюдение.

По периметру установлены скрытые видеокamеры.

Иногда уточняется и время наблюдения:

Объект находится под наблюдением 24 часа.

Ведется круглосуточное видеонаблюдение.

Цель наблюдения. Наблюдение обычно ведется для предотвращения неких асоциальных, нежелательных действий: курения, распития спиртных напитков, воровства, выгула собак в неположенных местах и т. д. При этом знаки могут содержать вербальное обозначение запрещенных действий: *В верхней одежде не входить. Запрещается принимать пищу. Купаться запрещено. С пивом вход воспрещен! Пожалуйста, не прикасайтесь к двери! Собак не купать. Въезд на территорию парка на велосипеде запрещен. Без бахил не входить!*

Все большую популярность приобретают невербальные знаки — перечеркнутые изображения сигареты, зажженной спички, бутылки, рюмки, мороженого, фотоаппарата, сотового телефона, собаки, мотоцикла и т. д. Они особенно часто используются в местах, часто посещаемых туристами, поскольку понятны носителям разных языков. Распространенным также является сочетание надписи и рисунка.

Отметим, что вероятность и допустимость определенных видов коммуникативного поведения культурно обусловлена. Например, по правилам дорожного движения в России разрешается подавать звуковые сигналы только для предотвращения дорожно-транспортных происшествий и для предупреждения других водителей о намерении произвести обгон вне населенных пунктов. Зафиксированное нарушение чревато штрафом. В Индии же водители постоянно подают звуковые сигналы, и на кузове некоторых автомобилей даже установлены надписи: *Please horn* (Пожалуйста, сигнальте).

Содержание вербального сообщения непосредственно связано с социальной видимостью / невидимостью адресата. Знаки могут быть приглашающие (*Ведется видеонаблюдение. Рады вас видеть!*), фильтрующие (*Посторонним вход запрещен*), запрещающие (*По газонам не ходить*). При этом знак *Добро пожаловать!* на дверях бизнес-зала аэропорта не означает, что туда имеет доступ каждый – здесь можно говорить о разных видах социальной видимости: хорошо одетый, уверенно ведущий себя клиент видим для обслуживания, но не вызывает опасений, в отличие от тех, которые не вписываются в коммуникативный контекст. К последним подойдет служащий, чтобы проверить их право пребывания в бизнес-зале. Облик, одежда, коммуникативное поведение (соответствующие или не соответствующие нормам определенной социальной группы) сами по себе становятся мощными семиотическими знаками.

Степень эксплицитности вербальных сообщений, связанных с наблюдением и контролем, также может быть различной. Асимметрия между означающим и означаемым выражается в том, что не всегда имеется в виду именно то, что написано. Как правило, простое сообщение *Внимание! Ведется видеонаблюдение* указывает на то, что «надо вести себя хорошо». Надписи: *Здесь не собачий туалет. Здесь гуляют дети!* означают то же самое, что и *Выгул собак запрещен*. Существуют также нулевые знаки: например, отсутствие подъемников и пандусов свидетельствует о том, что людям в инвалидных колясках доступ в данное социальное пространство не предусмотрен, в чем выражается их социальная невидимость.

Модальность вербального сообщения указывает на характер социальных отношений между коммуникантами. Категоричные формулировки свидетельствуют о том, что адресант обращается к адресату с позиции силы:

Вход посторонним строго запрещен! (в некоторых случаях для усиления воздействия добавляется устрашающий рисунок, например, череп со скрещенными костями или кулак).

Выгул собак запрещен. Штраф 1000 руб.

Мусор не бросать! Поймаем — вывезешь всё!

Частная территория. Парковка без разрешения строго запрещена! Шины будут спускаться.

Такие надписи, скорее всего, характерны для частных территорий и обращены к людям, с которыми хозяин не предполагает

вступать в какое-либо взаимодействие. Более мягкая модальность свойственна для взаимоотношений в сфере услуг; ее выбор объясняется стремлением не обидеть потенциального клиента:

Территория, свободная от курения и распития спиртных напитков.

Место, свободное от курения.

Зона, свободная от алкоголя.

Не сорите, пожалуйста.

Более свободная, нетрадиционная форма выражения запрета находит выражение в креативных фразах, например: *Просьба... не курить* (где многоточие обозначает тактичную паузу).

Встречаются шуточные надписи, говорящие об эгалитарных, демократичных отношениях между адресантом и адресатами:

Улыбнитесь! Вас снимает скрытая камера.

А вас Снимают на Видео.

Ведется видеонаблюдение, бездельники!

Зеркала могут использоваться как маркетинговое средство, например, лезть покупателю (надпись на зеркале: *Наши любимый клиент*).

Нарушители запретов становятся социально видимыми. Нежелательные действия могут привести к разного рода неприятным последствиям: сработает звуковая сигнализация, появится охранник или полицейский, видеочамера зафиксирует нарушение, будет выписан штраф и т. д.

Таким образом, анализ показывает, что семиотические знаки, связанные с наблюдением и контролем, выступают как мощное средство социальной стратификации и регулирования социальных отношений в медиаурбанистическом дискурсе.

Выводы

1. Наблюдение прочно встроено в ландшафт современного города и находит свое отражение в семиотических знаках разной природы.

2. Знаки структурируют коммуникативную ситуацию наблюдения, в которой выделяются субъект, объект, место, время, цели наблюдения, а также последствия поступков, воспринимаемых как запретные или нежелательные.

3. В качестве субъектов наблюдения, как правило, выступают неидентифицируемые представители власти, в качестве объектов — рядовые граждане. Семиотические знаки отражают асимметричность социальных взаимоотношений между ними (субъект наблюдения невидим, объекты видимы; государство демонстрирует патерналистское отношение к гражданам).

4. Семиотика наблюдения и контроля выступает как мощное средство социальной стратификации и регулирования социальных отношений в медиаурбанистическом дискурсе.

Заключение

Понимание социальных процессов, происходящих в больших городах, предполагает комплексное изучение современных медиатехнологий, социальных процессов и закономерностей человеческой коммуникации. В статье рассмотрены лишь некоторые аспекты наблюдения и контроля как коммуникативной практики в российском контексте. Перспективы исследования заключаются в анализе влияния тотального наблюдения на коммуникативное поведение горожан, а также сопоставительном изучении наблюдения и контроля в России и других лингвокультурах.

Литература

- Квят 2013 — А. Г. Квят. Развитие русскоязычного медиапространства: коммуникационные и этические проблемы. Материалы научно-практической конференции (26–27 апреля 2013 г.). М.: Издательство АПК и ППРО, 2013. С. 351–360. [A. G. Kvjat. *Razvitie russkojazychnogo mediaprostranstva: kommunikatsionnye i eticheskie problemy* [Development of the Russian-language media space: communication and ethics]. *Materialy nauchno-prakticheskoj konferentsii* (April 26–27, 2013). Moscow: Izdatel'stvo APK i PPRO, 2013. P. 351–360].
- Квят 2014а — А. Г. Квят. Городские коммуникативные исследования: новое направление на стыке урбанистики и коммуникативистики // Актуальные проблемы медиаисследований–2014. М.: Факультет журналистики МГУ имени М. В. Ломоносова, 2014. С. 70–71. [A. G. Kvjat. *Gorodskie kommunikativnye issledovaniia: novoe napravlenie na styke urbanistiki i kommunikativistiki*. [Urban communication studies: new field on the intersection of urban studies and communication studies]. *Aktual'nye problemy mediaissledovanii–2014*. Moscow: Fakul'tet zhurnalistiki MGU imeni M. V. Lomonosova, 2014. P. 70–71].

- Квят 2014b — А. Г. Квят. История зарубежных городских коммуникативных исследований // Медиаскоп, 2014, № 4 (электронный документ). URL: <http://www.mediascope.ru/1598>. [A. G. Kviat. Istorija zarubezhnykh gorodskikh kommunikativnykh issledovaniy [History of foreign urban communication studies] // Mediascope, 2014, No. 4 (electronic document)]. URL: <http://www.mediascope.ru/1598>.
- Квят 2014с — А. Г. Квят. Кафе без еды, фастфуд как медиа, временный парк: поствиртуальность и город 3.0 в России // Вестник Волгоградского государственного университета. Сер. 7, Филос. 2014. № 3 (23). С. 128–134. [A. G. Kviat. Kafe bez edy, fastfud kak media, vremennyi park: postvirtual'nost' i gorod 3.0 v Rossii [Anti-cafe, fast food as a media and pop-up park: post-virtuality and city 3.0 in Russia] // Vestnik Volgogradskogo gosudastvennogo universiteta. Ser. 7, Philosophy. 2014. No. 3 (23). P. 128–134].
- Леонтович 2011 — О. А. Леонтович. Методы коммуникативных исследований. М.: Гнозис, 2011. [O. A. Leontovich. Metody kommunikativnykh issledovaniy [Methods of communication research]. Moscow: Gnozis, 2011].
- Anderson, Boyd-Franklin 2000 — F. Anderson, N. Boyd-Franklin (2000). Invisibility Syndrome: A Clinical Model of the Effects of Racism on African-American Males (online document). URL: https://www.bc.edu/content/dam/files/centers/boisi/pdf/f08/Invisibility_Clinical_Model-Ortho-.pdf.
- Bennett 2008 — C. Bennett. The privacy advocates: resisting the spread of surveillance. Cambridge, MA: MIT Press, 2008.
- Blommaert 2005 — J. Blommaert. Discourse. A Critical Introduction. Cambridge: Cambridge University Press, 2005.
- Brooks, Gelderen, 2008 — K. Brooks, T. Gelderen. Fighting invisibility: The recognition of Migrant domestic workers in the Netherlands (online document). URL: <https://www.humanityinaction.org/knowledge-base/103-fighting-invisibility-the-recognition-of-migrant-domestic-workers-in-the-netherlands>.
- Fairclough 2003 — N. Fairclough. Analysing Discourse. New York: Routledge, 2003.
- Fijnaut, Marx 1995 — C. Fijnaut, G. T. Marx. Undercover: Police surveillance in comparative perspective. Norwell: Kluwer Academic Publishers, 1995.
- Foucault 1977 — M. Foucault. Discipline and Punish. Harmondsworth: Penguin, 1977.
- Genosko, Thompson 2006 — G. Genosko, S. Thompson. Administrative surveillance of alcohol consumption in Ontario, Canada: pre-electronic technologies of control // Surveillance & Society. 2006. 4 (1/2). P. 1–28.
- Genosko, Thompson 2009 — G. Genosko, S. Thompson. Punched drunk: alcohol surveillance and the LCBO 1927–1975. Nova Scotia: Fernwood Publishing, 2009.

- Goold 2004 — B. Goold. CCTV and policing: Public area surveillance and police practices in Britain. Oxford: Oxford University Press, 2004.
- Green, Zurawski 2015 — N. Green, N. Zurawski. Surveillance and Ethnography: Researching Surveillance as Everyday Life // *Surveillance and Society*. 2015. 13 (1). P. 27–43.
- Jones 2005 — H. Jones. Visible rights: Watching out for women. // *Surveillance & Society*, 2005. 2(4). P. 589–593.
- Lyon 2002 — D. Lyon. 2002. Editorial. Surveillance studies: understanding visibility, mobility and the phonetic fix // *Surveillance & Society*. 2002. 1(1). P. 1–7.
- Lyon, Bennett 2008 — D. Lyon, C. Bennett. Playing the ID card: Understanding the significance of identity card systems // *Playing the identity card: surveillance, security and identification in global perspective* / Ed. by C. Bennett, D. Lyon. London: Routledge, 2008. P. 3–20.
- Mehrabov 2015 — I. Mehrabov. Exploring Terra Incognita: Mapping surveillance studies from the perspective of media and communication research // *Surveillance and Society*. 2015. 13 (1). P. 117–126.
- Mirzoeff 1999 — N. Mirzoeff. *An Introduction to visual culture*. London: Routledge, 1999.
- Rule, Greenleaf 2008 — J. B. Rule, G. Greenleaf (eds). *Global privacy protection: the first generation*. Cheltenham: Edward Elgar, 2008.
- Scotland-Stewart 2007 — L. Scotland-Stewart. *Social invisibility as social breakdown: Insights from a phenomenology of Self, World, and Other*. Stanford University, 2007.